

ГЛАВА 1

— Рекомендую вам просто ехать на машине, — говорит мне ужасно скучающим тоном сотрудник авиалинии за стойкой.

Уровень его интереса к моим бедствиям явно намного ниже нуля, а моя ярость растет пропорционально его апатии. Я думаю, не перескочить ли через стойку. Или — это, наверное, реалистичнее и не привлечет внимания Министерства внутренней безопасности — положиться на свой острый, как рапира, ум, что причинит не меньше боли.

Брат окидывает меня суровым предупреждающим взглядом, потом опять смотрит в телефон. Он не просто старший (на целых три минуты) брат, а еще и юрист — и уже сумел предотвратить пару моих мелких вспышек гнева.

Но сейчас у него нет настроения что-либо предотвращать.

В общем, вариант «перескочить через стойку» кажется все более заманчивым.

Он не сводит глаз с телефона. Я вижу, что он строит на карте маршрут до нашего пункта назначения от Международного аэропорта Де-Мойна — потому что да, меня, Лекси Дарлинг, каким-то образом занесло в Де-Мойн.

В штат Айова.

В плоскую часть страны, над которой я обычно *пролетаю*, а не *прилетаю* в нее напрямиком.

Скажем так, я совсем не мечтала здесь побывать. Особенно в Мидасе, штат Айова, куда мы бы вообще никогда и ни за что не поехали, если бы кое-кто не умер.

Я имею в виду бабушку. Мы ни разу в жизни с ней не встречались, на ее похороны нас не пригласили и о ней никогда не рассказывал отец.

Но она, как ни странно, упомянула нас в завещании.

Логан отрывается от телефона и изумленно таращится на сотрудника авиалинии.

— Отсюда до Мидаса — *четыре часа*.

Поскольку прямых рейсов нет ни до Мидаса, ни даже до ближайшего к нему аэропорта в Дубьюке — я об этих местах и не слышала до нынешней истории, — нам пришлось лететь в Де-Мойн, а оттуда уже пересаживаться на рейс до упомянутого Дубьюка.

И на пересадку мы опоздали. Признаюсь, произошедшее *в какой-то степени* — моя вина, ведь я отключилась еще в салоне, а если уж я сплю, то очень *крепко*. И когда наш самолет из Нью-Йорка приземлился, я двигалась, скажем так, не со скоростью света.

Логан весьма *красноречиво* умолчал о случившемся уже раз пятьдесят.

Что бесит куда больше, чем если бы он об этом пятьдесят раз напомнил.

— Примерно четыре часа, — соглашается сотрудник. — Именно поэтому я бы на вашем месте просто поехал на машине. Ближайший рейс до Дубьюка — только завтра. А оттуда до Мидаса — все равно ехать. — Он пожимает плечами. — Могу вернуть вам деньги за билеты, на них вы возьмете напрокат машину и доберетесь до места. За рулем выйдет так или иначе дешевле.

Я не пойму, может, мы выглядим так, словно нам важна *дешевизна*? Логан смотрит на сотрудника со свирепостью, на которую способен только нью-йоркский юрист. Я хмурюсь как истинная ценительница «Прада».

Похоже, парень догадывается, что мы ждем от него какого-нибудь еще варианта.

— Или могу поменять дату на послезавтра.

— Вы сказали, что ближайший рейс завтра, — замечает Логан.

— Да, но все билеты проданы.

Проданы? Билеты с чертовых куличек к черту на рога?

— Вы всегда настолько...

Логан мешает моему первому — и, подозреваю, далеко не последнему — приступу гнева в этой поездке на Средний Запад прорваться наружу.

— Пожалуйста, верните деньги и подскажите, где можно взять автомобиль напрокат, — говорит он. Намного спокойнее, чем на самом деле себя ощущает.

Я послушно решаю не лезть. Пусть Логан во всем разберется. Я вообще замечательно умею давать другим во всем разбираться. Особенно в тех вещах, с которыми в принципе не хочу иметь дела.

Например, со всеми обитателями забытого богом аэропорта и с мыслью о том, что мы будем ехать *четыре часа*, однако будем находиться в пределах *Айовы*.

Я засовываю в уши наушники, чтобы заглушить шум. Пытаюсь найти внутренний центр равновесия — эту цель я ставлю перед собой уже не первый год, но достичь ее так и не удалось. Всеми силами стараюсь не дать себе совершить убийство.

Я иду вслед за Логаном и одновременно представляю себя деревянным домиком посреди пустоши.

Когда брат наконец выводит меня из аэропорта под холодный морозящий дождик, который выглядит еще ужаснее в этой *бескрайней пустоте*, в руке он держит ключи от автомобиля. Но, похоже, за машиной, которую мы взяли напрокат, придется еще и поохотиться.

Должно быть, именно так чувствовали себя первобытные люди, когда рылись в земле вокруг своих пещер в перерывах между охотой на мамонтов.

От возвращения в доисторическую эпоху я настолько взвинчена, что даже снимаю наушники.

— Я не поведу, — говорю я брату, дрожа от холода.

Ни одного такси, конечно, поблизости нет.

— Что, развалишься на пассажирском сиденье, как принцесса?

Я улыбаюсь. Предельно мило.

— Ты же работаешь в суде. Ты точно хочешь, чтобы я сидела за руль без прав?

Он знает об этом, но предпочитает о вышеупомянутом факте забывать. Коренные ньюйоркцы (а нас с Логаном вполне можно назвать таковыми: семья переехала в город, когда нам и года не было) замораживаются с получением прав только в одном случае: если собираются ездить на машине в загородный дом. Иначе зачем вообще париться? В Нью-Йорке иметь тачку вообще не нужно.

Ну, конечно, если вы не мой брат — он любит крутые игрушки.

— К тому же... — добавляю я, сильнее кутаясь в дутую зимнюю куртку, пока мы идем буквально по айовской *вечной мерзлоте*. Ну, ее еще называют «парковка». — Я тут только по одной причине. Ты сказал, я *должна* поехать с тобой, чтобы разобраться с идиотским завещанием. А значит, ты должен заботиться о своей сестренке.

Я пытаюсь соорудить невинное личико, но мои усилия идут коту под хвост: брат на меня даже не смотрит.

— Позаботиться о маленькой гремучей змеюшке, которая не умеет контролировать свой яд, — бормочет Логан и останавливается у машины, которая вроде как *наша*.

Когда он открывает багажник, я подталкиваю к нему свой набитый до отказа чемодан.

— Какой интересный фактик о *змеях*, — продолжаю я, глядя на него невинными, широко открытыми глазами. — С каких пор ты стал зоологом?

Он не отвечает — что для него большая редкость — и закидывает наши вещи в багажник.

Устраиваясь на пассажирском сиденье, я морщу нос. В салоне едва заметно пахнет плесенью и посильнее — еще чем-то, но этот запах мне, к счастью, неизвестен. Логан забирается на водительское место, точнее, сначала отодвигает кресло почти до предела и лишь после этого втискивает свое долговязое тело внутрь.

И вдруг мне приходит в голову внезапный и куда более важный вопрос:

— Стой. А *машину*-то ты когда в последний раз водил?

— С чего это тебя беспокоит? — бормочет Логан, засовывает ключ в замок зажигания и с интересом изучает приборную панель с кнопками и рычажками. Как будто он в свободное время подрабатывает инженером.

Но это же золотой солнечный мальчик Логан Дарлинг. Всеобщий любимец. У него все всегда идет как надо. В итоге, с такой легкостью, словно это его машина, а направляется он в родной город, брат выезжает из унылого аэропорта, а затем из так называемого города в обычную, пусть иногда и довольно колоритную, скажем так, пустыню.

Поле за полем. Изгиб в целом совершенно прямой дороги. Изредка появляются красные амбары. Они напоминают мне об идиллическом образе Среднего Запада на календарях массового производства, которые моя приемная мать — зубной врач вешает у себя в кабинете. Но больше всего у дороги старых, побитых жизнью домов. Слева и справа — поля, которые легко принять за заброшенные, если бы не ровные ряды засохших стеблей кукурузы.

— Я-то думала, бабушки должны любить внуков, — говорю я, обращаясь в равной степени к бесконечным полям и к Логану. — Даже тех, которых никогда не видели. За что она нас наказала?

— Она оставила нам личные вещи, дом и бизнес. — Логан достаивает меня взглядом.

Здесь, в глубинке, не особо *плотный трафик*, поэтому я даже не ругаю брата за то, что он не смотрит на дорогу. И не ору: «Не отвлекайся! Хочешь, чтобы мы сгинули?»

— К тому же тебя в определенной степени интересуется пряжа.

Я хмурюсь. Не могу отрицать: меня действительно немножко интересуется магазинчик вязальных принадлежностей, который бабушка нам оставила.